

особенностямъ, которыя рѣшительно ничѣмъ незамѣнимы въ новой музыкѣ. Теперь успѣхи полифоніи позволяютъ примѣнить ко всѣмъ античнымъ гаммамъ гармонію, которая усиливаетъ въ нихъ выразительность, не искажая ее. Для этого достаточно, чтобы *аккомпанирующіе голоса были размѣщены въ той же самой гаммѣ, въ какой и основная мелодія.*—Это положеніе можно уяснить слѣдующимъ примѣромъ: Въ *новомъ минорѣ* интервалль, который отдѣляетъ тоніку отъ предыдущей ноты есть *полутономъ*; въ *античномъ минорѣ (ладъ гиподорійскій)* этотъ интервалль есть *цѣлый тономъ*. Предположимъ, что хотятъ гармонизировать мелодію *гиподорійскую*. Если введутъ въ аккомпанирующіе голоса примѣтную ноту, которая не существуетъ въ основной мелодіи, то характеръ этой мелодіи будетъ испорченъ и дѣйствию впечатлѣнія свойственное гиподорійскому ладу будетъ нарушено. Если напротивъ въ аккомпанирующіхъ мелодіяхъ сохранять строй лада основной мелодіи (а этотъ строй зависитъ отъ мѣста, занимаемаго полутонами въ октавѣ), соединяя вмѣстѣ 3 или 4 мелодіи (партіи) того же самаго звукоряда, то утроятъ, учетверятъ силу гласового впечатлѣнія, которое основная мелодія могла бы производить отдѣльно сама по себѣ“¹⁾.

4. Объ инструментальномъ сопровожденіи церковнаго пѣнія.

Игра на музыкальныхъ инструментахъ, изобрѣтенная по сказанію книги Бытія (гл. 4, 21) Іуваломъ, всегда составляла принадлежность мірскихъ народныхъ празднествъ и развлеченій и у древнихъ народовъ (какъ не рѣдко и нынѣ) обыкновенно сопровождалась пляскою. Инструментальное сопровожденіе религіознаго пѣнія допускалось въ широкомъ смыслѣ собственно языческими народами, не знавшими строгаго разграниченія между духовною и чувственною стороною ни въ своихъ религіозныхъ доктринахъ, ни въ богослужебныхъ обрядахъ. „Лиры и органы, говоритъ блаж. Августинъ, употребляютъ язычники для роскоши и похоти въ театрахъ, собраніяхъ и жертвоприношеніяхъ“²⁾. У древнихъ грековъ и римлянъ музыкаю сопровождались всѣ поэтическія произведенія какъ эпическія, такъ лирическія и драматическія.

Употребленіе музыкальныхъ инструментовъ на ряду и совместно съ пѣніемъ допущено было и въ еврейскомъ храмовомъ богослуженіи, сначала при скинии Моисеевой, а потомъ и въ храмѣ Соломоновомъ, и было развито особенно во времена ве-

¹⁾ Тамъ же, стр. 66 и 67.

²⁾ In Psal. 82.

ликаго музыканта—царя и пророка Давида и мудраго сына его Соломона. Но и здѣсь музыка не была въ употребленіи безъ пѣнія, не имѣла предъ этимъ послѣднимъ преимущественнаго значенія и была явленіемъ временнымъ. По замѣчанію Талмуда „прославленіе Бога во храмѣ должно выражаться главнымъ образомъ громкимъ голосомъ; а музыка была допущена только по необходимости“¹⁾. По св. Іоанну Златоусту, Исидору Пелусіоту и Θεодориту²⁾, употребленіе органовъ при богослуженіи дозволено было Богомъ іудеямъ „по грубости ихъ чувства и немощи для отклоненія ихъ отъ идоловъ и шумныхъ языческихъ празднествъ“, а также „изъ нѣкоторой экономіи (κατ' οἰκονομίαν) т. е. для облегченія голосовъ и пѣнія левитовъ“³⁾. По блаж. Θεодориту Іегова какъ бы такъ говоритъ Израилю: „Перестань пѣть и играть на инструментахъ; ими Я не веселюсь, хотя въ началѣ и позволилъ ихъ, чтобы отъ вещей пріятныхъ и языческихъ возводить тебя къ важному“⁴⁾.

При еврейскомъ богослуженіи одни изъ псалмовъ пѣлись только голосами безъ музыки и имѣли надписаніе *schiri* שְׁחִירֵי, *пѣснь*, другіе съ сопровожденіемъ инструментовъ и надписывались *mitzohg*, *мѣлос*, *ψάλμος*, *псаломъ*. Такъ различаютъ ветхозавѣтныя пѣснопѣнія: Іоаннъ Златоустъ, Иларій, Евемій, Кассіодоръ и другіе. Слѣды такого различенія псалмовъ мы видимъ и у ап. Павла (Колос. 3, 16), который упоминаетъ о *псалмахъ* и *пѣсняхъ* духовныхъ. Способы сочетанія при богослуженіи инструментальной и вокальной музыки были различны. Ихъ насчитываютъ до десяти. Въ 150 псалмѣ перечислены почти всѣ инструменты священпой еврейской музыки⁵⁾.

Но и у евреевъ инструментальная музыка употреблялась при богослуженіи только до плѣна Вавилонскаго. По разрушеніи Іерусалима евреи, въ вѣчное воспоминаніе своего униженія, оставили всѣ прежніе инструменты, кромѣ *kerēn* или грубаго и простого бараньяго рога⁶⁾. Священныя же пѣснопѣнія исполнялись у нихъ хорами пѣвцовъ и массою народа, которымъ

¹⁾ Литтф. *Minist. templ.* гл. *De musica templi*. Цитатъ у г. Олесницкаго „Древне-еврейская музыка и пѣніе“, стр. 124.

²⁾ Златоустъ: *Hom. in psalm. 144. 149*; *Hom. 4. Ad pop. Antioch*; Θεодоритъ: *In psal. 49*.

³⁾ Θεодоритъ. *Толков. на пс. 50*.

⁴⁾ Онъ же, на Осію 5, 23.

⁵⁾ Подробности о еврейской музыкѣ и муз. инструментахъ см. у г. Олесницкаго: „Древне-еврейская музыка и пѣніе“. Труд. Кіев. Д. Ак. 1871 г. т. IV.

⁶⁾ *Bartolucci, Biblioth. rabbinica* у *Ugolin. Col. 440*. См. Олесницкаго. Тамъ же, стр. 151.

руководили въ храмѣ священники и левиты, а въ синагогахъ раввины.

Въ христіанской церкви, въ первое ея время, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, употреблялись еще на вечеряхъ любви нѣкоторые способы еврейскаго псалмопѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и инструментальное ихъ сопровожденіе. Такъ въ Апокалипсисѣ (гл. 5, 6—9) упоминается о *гусляхъ*, которые держали въ своихъ рукахъ 24 старца, окружающіе агнца на престолѣ. Въ Александрійской церкви употреблялась флейта или свирѣль, игра на которой и у евреевъ соединяла въ себѣ мысль о торжествѣ и спасеніи; только Климентъ Александрійскій замѣнилъ этотъ инструментъ арфою ¹⁾. Но мнѣніе это не имѣетъ для себя достаточно твердыхъ доказательствъ. Напротивъ мы имѣемъ прямое и положительное свидѣтельство мученика Іустина († 166), что въ христіанскихъ церквахъ „пѣть Богу на бездушныхъ инструментахъ и кроталахъ *не допущено*, какъ все свойственное дѣтямъ или несовершеннымъ въ разумѣ“ ²⁾. Поэтому въ восточныхъ православныхъ церквахъ во все послѣдующее время музыкальные инструменты никогда не употреблялись при богослуженіи, и только нѣкоторыя еретическія общества составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе ³⁾. До VIII вѣка христіанской эры инструменты не употреблялись и въ Западнѣйшей церкви.

Современные намъ писатели, разсуждая о томъ, почему инструментальная музыка не допускается въ церквахъ восточнаго православія, развиваютъ мысли св. мученика Іустина ⁴⁾. Именно: инструментальная музыка несовмѣстима съ разумнымъ служеніемъ Богу. Она, при всей своей художественности, даетъ человѣку возможность выражать только свои чувства, а не мысль и всѣ стороны души; не можетъ передать истинъ домостроительства нашего спасенія; не можетъ выразить безъ словъ существенныхъ элементовъ нашей молитвы—славословія, благодаренія, прошенія, а равно и всѣхъ частныхъ понятій и чувствъ, заключающихся въ словахъ богослужебныхъ пѣснопѣній. Затѣмъ и на слушателей она производитъ смутныя, неопредѣленныя впечатлѣнія. „Психологическими опытами дознано (говоритъ г. Ольховскій), что музыка инструментальная не настраиваетъ души

¹⁾ Олесницкій въ томъ же сочиненіи, стр. 374.

²⁾ Quaest. 107.

³⁾ См. ниже главу III, періодъ 2-й греч. церк. пѣнія настоящаго сочиненія.

⁴⁾ Имѣемъ въ виду особенно статьи въ „Руков. для сельск. пастырей“, 1861 г. № 36 и 1890 г. № 27 (г. Ольховскаго).

съ такою опредѣленностью, какъ вокальная; она приводитъ въ движеніе, волнуеъ большею частію только поверхность души и весьма рѣдко касается глубины ея“; присоединяемая же къ пѣнію она способна затемнить ясность произношенія словъ, а потому можетъ лишь препятствовать внятности и вразумительности поемыхъ текстовъ ¹⁾. Затѣмъ инструментальная музыка для простаго, не посвященнаго въ таинства музыкальнаго искусства слушателя, непонятна и съ художественной стороны, но увлекая его пріятностію и стройностію звуковъ, является лишь средствомъ, забавляющимъ его слухъ и затрогивающимъ одну чувственную сторону. Наконецъ вокальная музыка или пѣніе, осмысливая нашу молитву словами, опредѣленно и полно выражая съ одной стороны истины вѣры, а съ другой самыя глубокія чувства и желанія человѣка, имѣетъ преимущество предъ музыкаю инструментальною и въ практическомъ примѣненіи. „Пѣніе естъ естественный даръ природы, находящійся всегда у человѣка подъ руками“, а потому возможно для всякаго человѣка, всегда и вездѣ, не требуя ни особыхъ аппаратовъ, ни особаго художественнаго таланта или образованія исполнителей и слушателей.

Употребленіе инструментальной музыки при богослуженіи допускаетъ Западная церковь. Но и тамъ обычай этотъ не весьма древній; и тамъ музыка имѣетъ значеніе лишь акомпанемента къ пѣнію; и тамъ она имѣетъ свои ограниченія и встрѣчаетъ неодобрительные отзывы благомыслящихъ.—Органъ изобрѣтенъ на востокѣ и Константиномъ Копронимомъ около 757 г. ²⁾ присланъ въ подарокъ Пипину королю французскому, но не для употребленія при богослуженіи. Карль Великій (768—814) ввелъ органъ въ церквахъ Франціи и Германіи для легчайшаго обученія грубаго народа общему пѣнію въ храмахъ ³⁾, но на югѣ Европы не малое время довольствовались однимъ пѣніемъ, пока употребленіе этого инструмента при богослуженіи не сдѣлалось почти общимъ обычаемъ средней Европы. А Ліонская церковь, со времени первыхъ ея епископовъ Поэина и Иринея и доннынѣ, не допускала въ своихъ храмахъ инструментальной музыки. Извѣстно также, что въ самомъ Римѣ

¹⁾ О туманности и неопредѣленности идей въ музыкѣ не соединенной съ словами см. Plat. Legg. II, p. 669.

²⁾ Godard. Ioh. Hânser и др. Цитатъ см. въ „Руков. для сельск. пастырей“, 1890 № 27. См. „Историч. обзоръ пѣсполѣвцевъ“, преосв. Филарета Черниговскаго, 1864 г., стр. 264.

³⁾ Подробнѣе см. Christ et Paranicas „Anthologia Graeca...“ Proleg. p. CXIII и слѣд.

при папскомъ богослуженіи музыкальные инструменты также донныѣ не употребительны; не употребляются они и во всей римской патріархіи во время поста ¹⁾. Но и тамъ, гдѣ допущена при богослуженіи инструментальная музыка, всегда отдавалось преимущество голосовому богослужебному пѣнію. Это видно изъ служебнаго значенія этой музыки, изъ отзывовъ о ней латинскихъ писателей разныхъ вѣковъ и наконецъ изъ тѣхъ ограниченій, которыя для нея узаконялись соборами и церковною практикою. Инструментальная музыка въ Западной церкви не признается необходимымъ элементомъ богослуженія и не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Она употребляется не отдѣльно отъ пѣнія, а только въ качествѣ акомпанемента къ нему и развѣ только еще слышится въ минуты отдыха поющихъ голосовъ, наполняя промежутки въ пѣніи въ видѣ прелюдій, интермедій и финаловъ къ нему. Изъ латинскихъ писателей, отдававшихъ преимущество голосовому исполненію богослужебныхъ пѣснопѣній предъ пѣніемъ въ сопровожденіи органа, укажемъ на Амалярія (IX в.) ²⁾, Айрледа и Тому Аквината (XII в.) и др. „Откуда теперь, пишетъ аббатъ Айрледъ ученикъ Бернарда, когда сѣнь и преобразованія прошли, откуда столько органовъ и цимбаловъ, къ чему, спрашивается, это странное дыханіе мѣховъ, выражающее болѣе гулъ грома, нежели пріятность голоса“! Тома Аквинатъ, повторяя слова блаж. Августина, I. Златоуста. Исидора Целусіота и Θεодорита о еврейской музыкѣ, говоритъ: „лиры и органы должны быть отвергаемы церковію“ ³⁾. Сверхъ того въ Западной церкви существуютъ ограниченія и относительно самыхъ инструментовъ, допускаемыхъ при храмовомъ богослуженіи. „Соборъ Тридентскій (1543—1563) пишетъ г. Ольховскій ⁴⁾, постановилъ, что въ церкви не должны быть терпимы никакіе инструменты кромѣ органовъ. Соборъ Миланскій (1575) также исключилъ изъ употребленія при богослуженіи всѣ инструменты кромѣ органовъ. И только папа Бенедиктъ XIV буллою отъ 19 февраля 1749 г.

¹⁾ „Обзоръ пѣснопѣвцевъ“, стр. 202, примѣч. 87; „Церк. пѣніе въ Россіи“, прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 25—28 и др. Разновременностію введенія органа въ церквахъ объясняется и то, что писатели относятъ начало его употребленія на западѣ то къ VII вѣку (прот. Серединскій: „О богослуженіи Запад. церкви“, стр. 58), то къ XI (Германъ: „Минуты пастыр. досуга“, стр. 615—616).

²⁾ Lib. III. De offic. eccles.

³⁾ „Руков. для сельск. пастырей“, 1861 г. № 36, стр. 42, 43, 47.

⁴⁾ На основаніи изслѣдованій прот. Д. В. Разумовскаго, прот. Серединскаго, еп. Гермогена и др. См. „Руков. для сельск. пастырей“, 1890 г. № 27, стр. 249.

дозволилъ употребленіе при богослуженіи инструментальной музыки изъ духовыхъ и струнныхъ инструментовъ, а относительно пѣнія сдѣлалъ замѣчаніе, чтобы избѣгать въ немъ театральности, частыхъ повтореній и поглощеній словъ, а заботиться о томъ, чтобы всѣ слова были понимаемы. Но не смотря на это, въ 1842 году употребленіе инструментальной музыки при богослуженіи снова было ограничено особымъ каждый разъ разрѣшеніемъ духовнаго начальства, которое только въ крайнихъ случаяхъ дозволяло употребленіе нѣсколькихъ инструментовъ и то лишь въ акомпанементъ пѣнію. Изъ вышеприведенныхъ постановленій Западной церкви, заключаетъ г. Ольховскій, можно видѣть, что инструментальная музыка и въ ней никогда не считалась церковною властію обязательною принадлежностью богослуженія. Она получила только разрѣшеніе на свое существованіе при богослуженіи“¹⁾.

Тотъ же г. Ольховскій, разсуждая о томъ „что заставило Западную церковь ввести въ богослуженіе инструментальную музыку“ справедливо указываетъ на развившуюся на западѣ Европы фигуральность церковнаго пѣнія, потребовавшую пособія инструментовъ, на непониманіе молящимися богослужбнаго латинскаго текста и на желаніе представителей церкви занять ихъ чѣмъ нибудь во время богослуженія, за отсутствіемъ живого слова, наконецъ на соотвѣтствіе музыки пышности и блеску католическаго богослуженія, разсчитаннымъ на привлеченіе членовъ церкви чувственными средствами.

Не безъ значенія и то обстоятельство, что изъ музыкальныхъ инструментовъ Западною церковію избранъ для употребленія при богослуженіи не другой какой либо инструментъ, а органъ²⁾. Будучи проще по конструкціи и дешевле оркестра этотъ инструментъ, при своей полнотѣ звуковъ и устойчивости гармоніи, не требуетъ отъ играющаго на немъ ни особаго ухода, ни спеціально музыкальной эрудиціи и, такимъ образомъ, удобенъ въ практическомъ отношеніи. Но къ употребленію его въ церкви есть и болѣе важныя причины. Это пригодность его именно для акомпанемента голосамъ, а не для самостоятельной отъ пѣнія музыкальной игры, это ровность и важность производимыхъ имъ звуковъ, это неспособность его къ излишне игровому или страстному выраженію.

¹⁾ Тамъ же стр. 250.

²⁾ Исторію и употребленіе органа и другихъ инструментовъ подробнѣе см. въ „Исторіи музыки“, Доммера, переводъ Желябужской, Москва, 1864, со стр. 233.